

ДЕНЬГИ – ЭТО
ТАЛОНЫ
НА ЖИЗНЬ, НО
НЕ НА СЧАСТЬЕ

*Она увидела своего
убийцу и узнала его.
Даже улыбнулась.
И в этот момент
раздался выстрел.*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

ТОЛЬКО
СВОИ

Чингиз Абдуллаев

Только свои

«PEN-клуб»

2005

Абдуллаев Ч. А.

Только свои / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2005

В уединенном особняке неподалеку от Лондона на встречу Рождества собрались только свои: посол одной из восточных стран с женой, его сын со своей взбалмошной супругой, дочь с элегантным сдержанным мужем, а также друг дипломата – миллионер с красавицей-женой. Приближается ночь, за окном метель, словом, самая подходящая обстановка для идеального английского убийства. И оно происходит: кто-то подсыпал яд в бокал посла. А через час застрелена очаровательная супруга миллионера. Кто же совершил эти убийства? Ответ надо найти как можно быстрее, ведь убийца среди своих...

© Абдуллаев Ч. А., 2005

© PEN-клуб, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чингиз Абдуллаев

Только свои

Затруднений в управлении собственной семьей ненамного меньше, чем целым королевством.

Мишель Монтень

Мы-то знаем твердо: нет ничего до и нет ничего после. Привычная тоска овладела мною. Между двумя ничто проскакивает слабенькая искра, вот и все наше существование. И нет ни наград нам, ни возмездий в предстоящем ничто, и нет никакой надежды, что искорка эта когда-то и где-то проскочит снова. И в отчаянии мы придумываем искорке смысл, мы толкуем друг другу, что искорка искорке рознь, что одни действительно угасают бесследно, а другие зажигают гигантские пожары идей и деяний, и первые, следовательно, заслуживают только презрительной жалости, а другие есть пример для всяческого подражания, если ты хочешь, чтобы твоя жизнь имела смысл.

И так велика и мощна эйфория молодости, что простенькая приманка эта действует безотказно на каждого юнца, если он вообще задумывается над такими предметами, и только перевалив через некую вершину, пустившись неудержимо под уклон, человек начинает понимать, что все это – лишь слова, бессмысленные слова поддержки и утешения, с которыми обращаются к соседям, потерявшим почву под ногами. А в действительности, построил ты государство или построил дачу из ворованного материала – к делу это не относится, ибо есть лишь ничто до и ничто после, и жизнь твоя имеет смысл лишь до тех пор, пока ты не осознал это до конца...

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий.

Хромая судьба

Глава 1

Я долго колебался, прежде чем решился написать эти воспоминания. Со времени тех событий, о которых мне хочется рассказать, прошло уже несколько лет. Но только теперь, вспоминая все произошедшее с нами, я начинаю понимать, что рано или поздно нечто подобное должно было случиться. Никто не знает завтрашнего дня, никто не может заранее просчитать все, что с ним будет. Иногда я вспоминаю слова Ницше, который считал, что все разумные существа оставляют после себя какие-то следы. Не знаю, какие следы оставили мы, но не очень верю, что через тысячу или две тысячи лет кто-то вспомнит меня и моих близких. А через десять тысяч лет, возможно, растворится в толще веков не только наша семья, но и все наше время.

Мне всегда бывает жаль писателей, поэтов, художников, композиторов, скульпторов – всех, кто пытается остановить время и силой своего таланта заставить потомков спустя тысячелетия вспоминать об их величии. На самом деле это тщетные попытки. Через год после смерти человека о нем чаще всего помнят только близкие люди. Сотни лет помнят гениев, но через тысячу и их начинают забывать. Через десять тысяч лет наступает полное забвение. Вы можете назвать каких-нибудь скульпторов Древнего царства Египта или нововавилонских художников времен Навуходоносора? Конечно, нет. Среди самых древних мы помним Гомера

и Аристофана, Платона и Аристотеля, да и то только потому, что после тысячелетнего забвения их заново открыли арабские ученые.

Возможно, в далеком будущем нет места ни одному из ныне живущих. А может быть, у человечества вообще нет будущего, ибо оно обречено уничтожить себя новой неизвестной прежде болезнью или играми с различными генными мутациями? Или сумеет себя взорвать, истребить каким-то другим способом? Ведь лучше мы не становимся, это я теперь точно знаю. Хотя в глубине души у меня теплится надежда, что мои заметки помогут людям начала двадцать первого века понять, какими мы были, откуда ушли и к чему пришли.

Хочу заранее предупредить, что не собираюсь публиковать эту рукопись. Моя слишком откровенная и вызывающая правда многим может не понравиться. Одни сочтут меня безумцем, другие – негодяем, кто-то, возможно, со мною согласится, а кто-то, напротив, будет всячески опровергать любые мои суждения. Но мне уже все равно. Я решил рассказать все, как оно было, а уж вы сами делайте выводы. Я прекрасно понимаю, что моя рукопись вызовет яростные споры и взорвет весь наш прежний мир.

Меня зовут Ильгар Султанов. Я окончил Московский государственный институт международных отношений в девяносто пятом году. Из чего вы легко можете просчитать, что я родился в семьдесят третьем году. Через три года после получения высшего образования я женился, а еще через год у меня родился сын Ахмад. Все это время я работал в системе Министерства иностранных дел нашего государства. В общем, все как у людей. Когда сыну исполнилось два года, меня послали на стажировку в Германию, а потом я получил назначение на работу в Швейцарию, став атташе по культуре нашего посольства.

Конечно, я отправился на службу вместе с моей молодой женой и сыном, но Новый год нам предстояло встретить в Англии, вместе с моими родителями. Пожалуй, это самое главное, с чего мне и следовало начать рассказ. В тот момент мой отец был послом нашей страны в Великобритании, и, соответственно, это он решил, что Новый год мы должны встретить все вместе. Только не думайте, что я попал на дипломатическую работу благодаря моему отцу. В институт я, конечно, поступал не без его влияния: он был дипломатом еще до того, как распался Советский Союз, и работал советником советского посольства в Пакистане и на Цейлоне. Поэтому я и выбрал для себя такой престижный вуз. Это был практически последний советский набор. Поступив, я тут же встал в институте на комсомольский учет, хотя мне всегда не нравились все эти «общественные нагрузки» и вообще я считал прежнюю систему абсолютно идиотской. В общем, я стал студентом в девяностом году, а уже в девяносто первом СССР перестал существовать, и я буквально в одночасье превратился в иностранца.

Меня, правда, доучили и даже выдали мне диплом о высшем образовании. В начале девяностых мы еще могли спокойно передвигаться по Москве, дружить с местными девочками и не иметь городской регистрации. Тем более что у меня была квартира в Москве, и я был прописан по московскому адресу. Тогда нас по привычке считали своими. Но постепенно все менялось. Сначала резко «ушли» прибалты, которые ввели визы. Потом становилось все хуже и хуже, а недавно, приехав в Москву, я с ужасом узнал, что необходимо регистрироваться, что в метро одному лучше не заходить и вообще вести себя следует очень осторожно. Мне еще повезло, что дипломатам разрешают ездить без регистрации, а машину мне дал мой дядя, брат моей матери, работающий в Москве. В начале девяностых главными врагами столичных жителей были всякие отморозки. Создавалось такое впечатление, будто из колоний и тюрем одновременно выпустили всех бандитов. Повсюду в ресторанах сидели «качки» с бритыми затылками и в малиновых пиджаках. Тогда выстрелы раздавались на каждом углу. А в начале нового века самыми главными врагами москвичей стали «черные». Только это не негры, если вы так подумали. Негры сами по себе, их, конечно, тоже не любят. Но еще есть китайцы, вьетнамцы, корейцы. Только самыми сильными раздражителями стали кавказцы и среднеазиаты. Почему так получилось – не понимаю. Дело даже не в Чечне, а в отношении простых людей к

приедем. Я еще могу согласиться, что выходцы из Средней Азии отличаются разрезом глаз. Но кавказцы? Они же белая раса, почему их называют «черномазыми»? Или дело не только в чеченцах? В Москву хлынули сотни тысяч азербайджанцев, армян, грузин со своим укладом жизни, со своими привычками и менталитетом. Все это сильно раздражало, плюс затянувшаяся война в Чечне, плюс бомбы смертниц, которые начали взрываться в Москве. В общем, сплелся адский клубок из противоречий, которые настраивали всех против всех.

Теперь насчет дипломатической работы. Все, разумеется, знали, что мой отец – посол нашей страны в Великобритании, но меня взяли на работу в МИД и послали в Швейцарию не поэтому. Как раз наоборот, из-за отца меня не хотели брать в наш МИД и не хотели посылать в Швейцарию, полагая, что получится нездоровая семейственность. Я-то наивно думал, что лицемерие советской поры уже кончилось, но ничего подобного. Против лома нет приема. Мой тесть, отец моей молодой супруги – Саитджан Мухаммедалиев, был не только одним из самых известных людей в нашей стране, но и вице-премьером по строительству, другом самого президента. И все об этом, конечно, тоже знали. На нашу свадьбу приезжал сам президент, который, как вы понимаете, ездил далеко не на все свадьбы. И вообще, чаще всего не ездил. Нужно хоть немного пожить на Востоке, чтобы понять, какой жест он сделал. Такое внимание падишаха дорогого стоит. В МИДе я работал обычным сотрудником, меня туда с большим трудом устроил мой отец, желая, чтобы и я по его стопам стал дипломатом. Но когда я женился, все мгновенно изменилось. Меня сразу перевели в другой отдел, дали мне новую должность, отдельный кабинет. И потом без очереди присвоили дипломатическое звание, послали на стажировку в Германию. Наш министр был умный человек и понимал, что ему ни к чему ссориться ни с моим отцом, ни с моим тестем, ни тем более с президентом.

Говорят, сам президент даже дважды очень благосклонно расспрашивал нашего министра обо мне. Во всяком случае, насчет одного раза я точно знаю, поскольку сам министр мне это говорил. Правда, надо сказать, среди дипломатов он не пользовался уважением, так как не проработал на дипломатической службе ни одного дня. Он был советником президента по международным делам, а оттуда плавно перешел на пост министра, чтобы выполнять волю только одного человека – нашего «падишаха». Или вы полагаете, что в нашей стране может быть демократия? Это для американцев мы устраиваем фарс выборов, исход которых известен заранее. Пусть, мол, думают, что мы выбираем и президента, и парламент. И все делают вид, что так и должно быть. Американцы прекрасно знают, что на самом деле голосует не более десяти-пятнадцати процентов населения. Да и этим людям часто подсказывают, против каких фамилий ставить галочки, за кого голосовать. Самое интересное, что после развала большой страны прошло уже немало лет, но ни один из лидеров в Средней Азии пока не ушел со своего поста. Ни один за столько лет! И это пример демократии? Ну в таком случае я не дипломат, а балерина.

Хотя нет. В Таджикистане в начале девяностых была война, и только после нее там укрепился нынешний лидер. Укрепился и остался. Вот так все пятеро и сидят. И будут долго сидеть. В Прибалтике проходят демократические выборы, и там избирают новых президентов. В бывшей европейской части страны выборы часто бывают маргинальными, если вспомнить Украину и Белоруссию. Да и в России трюк «с назначением преемника» сработал на все сто. Но у нас в Средней Азии лидеры несменяемые. И американцы делают вид, что это пример самой настоящей демократии. А знаете почему? Ответ очень простой. Мы им нужны. Им очень нужны наши опереточные парламенты с придурковатыми депутатами, искренне считающими, что они решают какие-то вопросы. Им очень нужны наши лидеры, уже давно обогнавшие всех бывших в тысячелетней истории наших народов ханов и падишахов по концентрации богатств и власти в одних руках. Если не будет наших режимов, может, не самых идеальных в мире, то на это место придут другие. И тогда точно не будет вообще ничего. Никакой демократии. Ни президентов, ни парламентов, ни нормальных законов. Править будут совсем другие – бородатые

и фанатичные последователи того самого «Большого друга Америки», который устроил им бойню одиннадцатого сентября. Я ничуть не преувеличиваю. Если падут наши режимы, наступят другие. И тогда Америка, Россия, Китай и весь цивилизованный мир получат такие проблемы, после которых события в Афганистане или даже в Ираке покажутся детским лепетом.

Поэтому все выбирают самое лучшее, что может быть на сегодня в наших республиках: несменяемых лидеров, доставшихся нам от бывшей советской номенклатуры, феодальные отношения, местных баев, которые получают на откуп целые районы и области. Сидя в креслах первых секретарей, они за одну ночь «перестроились» и стали, во-первых, демократами вместо коммунистов, во-вторых, президентами и губернаторами вместо первых секретарей, а в-третьих, руководителями независимых государств вместо бывших республик. Причем сразу все, одновременно, тут же после августа девяносто первого. Умри, Гудини, такой фокус тебе и не снился! А Горбачев не понимал, что настоящая «перестройка» – это не демагогия про социализм, а умение воспользоваться ситуацией, обеспечить свою семью на тысячу лет вперед, приватизировать собственную страну и сделать свой клан самым сильным в государстве. Вот что такое «перестройка» на Востоке.

В общем, я отвлекся. Мне абсолютно все равно, что они там делали или делают. Когда распался Советский Союз, мне было только восемнадцать лет. Вместе с другими студентами я ходил к Белому дому и выкрикивал лозунги в поддержку демократии. Там была симпатичная девочка из Ленинграда, Питер тогда еще так назывался, и мне было приятно стоять рядом с ней. Я даже видел на танке живого Ельцина. Было смешно и интересно. Потом в девяносто третьем, когда танки стреляли по Белому дому, было уже не так смешно. Это мы тоже видели. Девочки уже не было, и я почти не ходил смотреть. Все и так показывали в прямых трансляциях по Си-эн-эн. А в девяносто пятом я уже закончил учебу.

У моего отца было двое детей. Сын и дочь. И, по нашим обычаям, он сам решал, когда нам нужно жениться и выходить замуж. Мне было двадцать пять, когда моя мать отправилась договариваться с женой вице-премьера. Потом и нас познакомили. Младшей дочери вице-премьера было только двадцать, и она училась на филолога. Рахима мне сразу понравилась. Симпатичная, стройная, красиво одевается, знает английский. А главное – из хорошей семьи. Конечно, мне было очень приятно, что ее отец занимает такой высокий пост в Кабинете министров. И мы с этой девочкой быстро нашли общий язык. Не думайте, что нам разрешали встречаться и проводить время так, как это делают на Западе: сначала трахнемся, а потом посмотрим, подходим ли друг другу. Нет, такого у нас просто не могло быть. Сначала поженитесь, а потом делайте все, что вам заблагорассудится. Конечно, в строгих рамках семейной этики, без глупых вольностей и различных выкрутасов. Для этого существуют совсем другие женщины.

Мы встречались под строгим надзором родственниц, и через некоторое время я сделал Рахиме предложение, которое она приняла. Правда, если рассказывать точнее, то предложение делали мои родители ее родителям. Подготовка к свадьбе заняла несколько месяцев, и наконец мы поженились. Разумеется, в первую брачную ночь я точно установил, что моя супруга – девственница. Иначе и не могло быть. Рахима сильно нервничала и волновалась, сказывался ее возраст. Мне даже пришлось немного рассердиться. И признаюсь, мне было непросто иметь дело с необученной девственницей после моих московских знакомых. Можете себе представить, какой у меня был опыт к этому времени? Я даже успел подцепить какую-то гадость, от которой потом тайком от родителей лечился целых шесть месяцев.

Вот так мы стали законными супругами. Конечно, я никогда не позволял себе никаких вольностей и обращался с ней только так, как и нужно вести себя с женой. Для иных радостей ведь всегда можно найти других женщин. Через год Рахима родила мальчика, похожего на меня, и это переполнило меня гордостью. Но особенно радовался ее отец. Дело в том, что Рахима его третья, самая младшая и самая любимая дочь. А первые две уже успели выйти замуж, и каждая родила ему по внучке. Можете себе представить такого человека, как мой

тесть? Он похож на огромного медведя, даже ходит как-то косолапо. А тут столько женщин вокруг. Жена, три дочери, две внучки... И вот наконец появился первый внук. Тесть тогда чуть с ума не сошел от счастья и подарил мне «Мерседес», который теперь стоит у меня в гараже, в нашем доме на родине. Кстати, после рождения нашего сына его старшая дочь родила ему второго внука. Но с тех пор он не уставал повторять, что именно я «переломил женскую линию» в их семье. Мне даже казалось, что он любил меня за это больше, чем двоих других зятьев. Не знаю, может, потому, что сильнее остальных дочерей любил Рахиму?

Моя младшая сестра Гулсум вышла замуж за три года до моей женитьбы. Она младше меня на два года, и ей было двадцать, когда родители решили выдать ее замуж. Но здесь произошло несчастье – так называли это в нашей семье. Муж Гулсум был ее однокурсником, они оба учились в медицинском институте в Москве. Мы тогда еще не знали, почему его послали в Москву, ведь он мог получить образование и на родине. Им обоим было по двадцать лет. Его отец был министром здравоохранения нашей республики. Вы даже не представляете, какие подарки они нам несли, сколько баранов зарезали, какую квартиру купили своему сыну в Москве! А потом оказалась, что этот негодяй Анвар самый настоящий наркоман. Хорошо, что у моей сестры был выкидыш и она не родила ребенка от этого мерзавца. Через два года они развелись. Бедная моя сестренка! Но кто мог подумать, что сын такого уважаемого человека и представитель такой хорошей семьи окажется наркоманом? Моя мать была безутешна. Ведь по нашим обычаям разведенная женщина – это почти падшая женщина, независимо от причин ее развода. Если бы не выкидыш, может, мы уговорили бы Гулсум потерпеть, но после этого случая она даже не могла находиться с Анваром в одной комнате. И состоялся развод.

Сестра устроилась работать в крупную западную фармацевтическую компанию, получила российское гражданство. Она никуда не хотела уезжать из Москвы, в отличие от нас всех, ставших для нее иностранцами. И через несколько лет встретила своего второго мужа. Он тоже был разведен, от первого брака у него был десятилетний сын. Тудор Григориу старше Гулсум на десять лет. По отцу он молдаванин, а по матери – русский. Высокий, симпатичный, голубоглазый. Нам с Рахимой новый ухажер Гулсум сразу понравился. Он хорошо одевался, говорил по-французски, умел произвести впечатление, был очень коммуникабельным и к этому времени уже несколько лет проработал на Западе. Конечно, ему нравилась моя младшая сестра, но еще больше ему нравилось положение нашей семьи. Отец не возражал против этого брака, он понимал, что Гулсум нужен муж. Если бы это был ее первый брак, разумеется, Тудор получил бы решительный отказ. Кто может отдать свою девочку за иноверца, пусть даже достаточно обеспеченного и симпатичного? Но когда женщина разведена, она как бы считается «товаром попорченным» и ей можно разрешить замужество даже с таким человеком, как Тудор. Не думайте, что я циник. Просто я решил рассказать все, как это было на самом деле. А мою сестренку я очень люблю. Одним словом, состоялась свадьба. К этому времени моей сестре было уже двадцать восемь – опасный возраст для незамужней женщины.

Вот такая у нас семья. Но вернемся к тому моменту, когда мой отец – Джапар Султанов – пригласил меня с женой и мою сестру с мужем провести в Лондоне рождественские каникулы. Заодно он пригласил и своего самого близкого друга – Салима Мухтарова, очень известного бизнесмена, портреты которого часто появляются в газетах нескольких стран. Супруга Салима – бывшая фотомодель Елена Сушко. Это была его третья жена. Салиму сорок пять лет. У него была мешковатая фигура базарного торговца с колхозного рынка, хотя он старался выглядеть более молодо, посещал косметические салоны, как-то даже приезжал к нам в Швейцарию, чтобы покататься на лыжах.

Можете себе представить эту картину? Мешок с картошкой на лыжах? Он падал даже в окружении трех инструкторов. Очевидно, есть люди, абсолютно не приспособленные к этому виду спорта. К тому же Салим вырос на Востоке и лыжи видел только в кино. Потом он бросил это бесполезное занятие.

Признаюсь, его супруга, лет на пятнадцать или даже двадцать его моложе, производила на меня очень приятное впечатление. И насколько я могу судить, не только на меня. Есть такие женщины, у которых секс написан на лице. А это была очень красивая самка, одно появление которой было способно наэлектризовать любую мужскую компанию. Этакое удачное сочетание фигуры певицы из группы «Виа Гра» с жеманностью Линды Эвангелисты. Нужно было видеть, как она одевалась и как умела себя подать! Конечно, Салим Мухтаров купил себе эту дорогую игрушку, но он мог себе такое позволить. Говорят, на его счетах много сотен миллионов долларов. Хотя я думаю, что его «цена» сильно завышена. Такие «бизнесмены» любят пускать пыль в глаза, чтобы понравиться чиновникам. Делают им дорогие подарки, приглашают в престижные рестораны. Конечно, он очень богатый человек, но, полагаю, тогда он стоил миллионов сто, не больше. Только не говорите мне, что это тоже огромные деньги. Я сам это прекрасно знаю.

Елена – украинка по отцу и татарка по матери. Высокая, зеленоглазая, с невероятной фигурой. Можете себе представить, какая гремучая смесь красоты и вызова? Представили? Тогда пойдем дальше. В общем, в Англии должны были собратся четыре пары. Моего сына я отправил к бабушке и дедушке на родину. Мой тесть попросил, чтобы внук был с ними, и я подумал, что так будет лучше для всех.

Отец позвонил мне двадцать второго декабря и сказал одну фразу, которую я потом долго вспоминал.

– Приезжай вместе с Рахимой. Я пригласил Гулсум с мужем и Салима с его женой. Никого больше не будет. Будут только свои.

Глава 2

Мы вылетели с женой в Лондон, купив два билета бизнес-класса. Рейс семьсот тринадцать вылетел из Цюриха в час двадцать по местному времени. Из Швейцарии до Лондона лететь около полутора часов, даже меньше. Обожаю эти европейские расстояния. Всю Европу можно облететь за несколько часов. При этом я всегда вспоминаю, как мы летаем с нашей родины через Москву в Европу. По шесть-семь часов! До чего же удобно быть европейцем и жить где-нибудь в Париже. За один час вы можете долететь до Лондона, Брюсселя, Цюриха, Франкфурта, Амстердама. За два часа – до Мадрида, Рима, Венеции, Мюнхена, Берлина... В общем, все рядом. А летать на самолетах я очень люблю, особенно в бизнес-классах. Великолепное обслуживание, интересные люди вокруг, приветливые стюардессы, очень приличная еда. Хотя бизнес-класс мне не оплачивался, по моему статусу мне полагалось летать только экономическим классом, но благодаря помощи отца я мог нормально существовать и не зависеть от моей нищенской зарплаты дипломата.

Моему отцу в тот момент было пятьдесят пять лет. Он увлекался теннисом и плаванием, старался поддерживать себя в хорошей форме. Мне многие говорят, что я на него похож. Хотя у меня подбородок не такой волевой, как у него, и глаза мамыны. И, конечно, я меньше ростом. Мы с Рахимой почти одного роста. И моя сестра тоже моего роста, что для женщины, наверное, неплохо. Но отец был ростом почти в метр восемьдесят, а мама – лишь в метр шестьдесят пять. Должно быть, мы с сестрой пошли в маму, так как у нас обоих рост чуть больше метра семидесяти.

Хочу сказать несколько слов о моей матери – Машпуре. Ей тогда было только пятьдесят два года. Из этого ясно, что она вышла замуж совсем молодой и родила меня, когда ей исполнилось двадцать лет. Отцу в это время было двадцать три. Мать из семьи потомственных биологов, у нее в семье все были ученые – ее дед, отец, дядя. И сама она тоже окончила биологический факультет, хотя никогда не работала по специальности. Еще в институте она вышла замуж за моего отца и вскоре уехала с ним. Где только они не работали! Ей пришлось ездить за мужем по всему свету.

Мы должны были прибыть в Лондон примерно в два часа по их времени. Упрямые англичане и в этом отличаются от всей Европы, у них – свое время. Наверное, это правильно, ведь их остров западнее, чем вся Европа. Под влиянием англичан португальцы тоже взяли себе их время. Хотя, по-моему, они это сделали нарочно, в пику испанцам. И получилось, что на одном полуострове два разных временных пояса – в Испании и в Португалии. При этом испанская Галисия находится даже западнее основной части Португалии. Но каждая нация пытается самоутвердиться за счет своих соседей. В Лондоне, например, самые известные места – это Трафальгарская площадь с памятником адмиралу Нельсону, памятник Веллингтону на Парк-Лайн, площадь Ватерлоо и так далее. Если бы не было Наполеона, то англичанам нужно было бы его придумать – так много в их истории связано с этим человеком. А приезжаешь в Париж – и сразу видишь Аустерлицкий вокзал, площадь Ваграма, Триумфальную арку, бульвар Севастополя... В общем, все как у других. Хотя встречаются и иные примеры, так сказать, обратного действия. В том же Париже существует площадь Сталинграда, тогда как такого города давно уже нет в самой России. Вот какие иногда случаются исторические парадоксы.

Рахима сидела, закрыв глаза и недовольно отвернувшись от меня. В аэропорту мы, как всегда, поругались, и теперь она так демонстрировала мне свое настроение. Каждый раз, когда мы куда-нибудь летим, Рахима умудряется что-нибудь купить в магазинах беспошлинной торговли. Мне не жалко, пусть покупает что хочет. Но не тогда, когда до отлета остаются считанные минуты. Из-за нее мы каждый раз вбегаем в салон самолета чуть ли не последними. Хорошо, что у нас бизнес-класс и стюардессы не ругаются, но нельзя же это превращать в привычку.

Рахима – человек абсолютно безалаберный, она не чувствует времени. Поистине избалованный родителями младший в семье ребенок. Собственно, так оно и получилось. Сначала ее мать родила старшую и среднюю дочерей. Затем был перерыв в несколько лет, и наконец они решились завести третьего ребенка. Наверняка мой тесть хотел иметь сына. Однако родилась Рахима. Так она и стала самой маленькой и самой любимой, самой обожаемой в семье. Рахима даже сейчас разговаривает как маленькая девочка, что меня порой бесит. Объективно я понимаю, что она красивая, симпатичная молодая женщина. У нее стройная фигура, она не поправилась после родов, маленький носик, карие глаза, роскошные волосы. Но ее необязательность и разболтанность постоянно действуют мне на нервы.

Каждый раз, когда мы куда-нибудь уезжаем, Рахима умудряется забыть дома какую-нибудь нужную вещь, и нам приходится покупать новую зубную щетку или новый фен уже в другом городе. Она не умеет следить за квартирой, у нас дома все вещи куда-то исчезают, а затем появляются не по нашему желанию. И на родине, и в Швейцарии у нас есть домработницы, но они не могут делать все за хозяйку. Определить каждому предмету свое место – это дело самой Рахимы. Одним словом, после аккуратной и пунктуальной матери я столкнулся с девчонкой, которую так и не мог приучить к элементарному порядку.

Я недоволюсь покосился на нее. В последнее время я часто ловил себя на мысли, что несколько поспешил с женитьбой. Конечно, ее отец мне очень помог, отправив нас в Швейцарию, конечно, материальных проблем у нас нет, и все-таки можно было найти жену немного покладистее и более домовитую. А эту интересуют только вечеринки, ночные клубы, разные дискотеки. Рахима не хотела понимать, что здесь она – жена дипломата. И мы все на виду. За шесть лет нашей совместной жизни я ни разу не видел ее с книгой в руках. В лучшем случае она читала какие-то журналы вроде «Космополитэна» или «Форбса». Она неплохо выучила английский и затем взялась за французский. Но, похоже, это единственные плюсы в ее жизни. И еще, разумеется, рождение нашего сына. Однако к этому и я приложил усилие.

Нужно было видеть, как тяжело Рахима переносила беременность! Об этом лучше не вспоминать. Любой запах вызывал у нее приступы рвоты, последние месяцы она лежала в кровати, не вставая. Почти ничего не ела, кроме фруктов. Хорошо, что мальчик родился здоровым. У Рахимы реzus отрицательный, и она твердо решила больше не рожать. Где-то прочла, что с таким реzusом последующие дети могут оказаться неполноценными. Все мои разговоры о том, что это глупости и в двадцать первом веке нельзя так себя вести, ни к чему не привели. В конце концов я махнул рукой. Ахмаду только пять лет, а Рахиме только двадцать пять. Она еще успеет родить братика или сестричку нашему сыну. Но терпеть еще девять месяцев ее новую беременность, да еще сидя с ней в Швейцарии, я не смог бы.

За время нашей командировки в этой альпийской стране к нам несколько раз приезжали наши родственники. Сестры Рахимы с мужьями, моя сестра с мужем, наши родители. Скучать не приходилось, Швейцария нравится всем. И нужно отдать должное Рахиме, она радушно встречала наших гостей. С сестрами ходила по магазинам, и я с удовольствием наблюдал за лицами их мужей, когда жены приносили им подписанные чеки. Суммы были внушительными. Единственный человек, которого невозможно было «развести» на крупную сумму, был наш зять – Тудор Григориу. Очень состоятельный человек, миллионер, он не позволял себе тратить лишние деньги. Я всегда ставил его в пример Рахиме. Тудор одевался лучше всех, по последнему слову моды, у него были лучшие автомобили, и жил он в самых дорогих отелях. Все это работало на его имидж, помогало ему в переговорах. А просто так потратить деньги он не мог. Купить ненужную вещь или заплатить за горнолыжный курорт ему казалось верхом глупости. Конечно, если на курорте в это время не находился какой-нибудь министр или чиновник, от которого зависела судьба контракта. Тудор вел себя как настоящий европейский прагматик.

Рахиме не нравилось, когда я указывал ей на имевшиеся пробелы в ее воспитании и образовании, но насчет моего зятя она соглашалась со мной на все сто процентов. Тудор нра-

вился женщинам. Еще бы! Природное обаяние плюс наглая внешность, подкрепленная кучей денег. Глядя на него, любой сразу понимал, что имеет дело с человеком, стоящим несколько миллионов долларов. Моя сестра ни в чем не нуждалась, а для нас всех это было главным.

Моя мать видела все недостатки Рахимы, но как умная женщина не делала ей замечаний, полагая, что со временем невестка образумится. Однако Рахима оставалась взбалмошной, неуправляемой, капризной девочкой, словно по-прежнему жила под крылом любящего папы, а не была супругой перспективного дипломата. Это я про себя.

В общем, у нас была нормальная семья, каких тысячи по всему миру. Обратите внимание, что я не сказал – миллионы. Я понимал, что мы живем гораздо лучше многих. Особенно это относилось к моим соотечественникам. Для многих из них сто долларов были большие деньги, а тысяча – почти недостижимая сумма. Когда мы обедали в местечке Крисье у знаменитого повара месье Жирарду и мне принесли счет на шестьсот евро за четверых, я расплатился, даже не подумав о сумме. А ведь на такие деньги многие семьи живут не один месяц. Но это уже не моя проблема. Мне вообще трудно представить, что я мог бы быть другим. В отличие от многих моих товарищей, у меня была собственная трехкомнатная квартира в Москве, которую мой отец имел как сотрудник Министерства иностранных дел. Пока они с матерью находились в командировках, я большую часть времени проводил с бабушкой. Моя сестра жила у дяди или уезжала к родителям, а мы оставались вдвоем. Можете представить, какие загулы я устраивал! Мы с сестрой учились в школах при дипмиссиях, и только во время учебы в институте я оказался без родительского контроля.

Еще повезло, что после первого приема наркотиков меня вывернуло наизнанку, и я с тех пор не притрагивался к этой гадости. У меня даже на сигареты аллергия, и, полагаю, это меня спасло от крупных неприятностей. Из четырех ребят, с которыми я дружил во время учебы, один стал законченным наркоманом, второй – известным олигархом, я ушел на дипломатическую службу, а четвертого убили где-то в Новосибирске. Выходит, из всей компании у меня второе место, если говорить о том, что из нас в конце концов получилось. А может, даже первое, учитывая, что мой друг-олигарх вынужден вкалывать с утра до вечера, оставаться в Москве, постоянно рисковать собой, находить общий язык с чиновниками и местными бандитами. Иногда я думаю, что мне повезло больше, чем всем остальным. Но это так, для собственных размышлений.

В аэропорту нас встретил водитель отца. Я уже привык, что меня встречают, как самого посла. Проводят в VIP-комнату, где ждут другие. На сей раз, кроме водителя, в аэропорт приехал и первый секретарь нашего посольства, который любезно улыбался Рахиме, по-моему, даже больше, чем мне, а я должен был делать вид, что не замечаю его приторной лести. Все уже знали, что наш премьер-министр кандидат на вылет, а главным претендентом на его пост прочат личного друга президента, нынешнего вице-преьера, отца Рахимы. На минуточку я представил, что будет, если он станет премьером. Нет, я не против – мне будет даже хорошо. Но Рахима в таком случае станет вообще неуправляемой стервой. Оставалось надеяться, что до президента ему никогда не дорасти. У нас на Востоке быть зятем президента прекрасно, но быть мужем дочери президента – это самое тяжкое, что только можно пожелать человеку.

Встречающие получили наш багаж – четыре чемодана от Луи Виттона. Можете себе представить? Четыре огромных чемодана! Будто мы приехали не на Рождество к родителям, а решили навсегда переехать в Великобританию.

Моя жена не хотела останавливаться в доме моих родителей. Она привыкла разбрасывать вещи по всем комнатам, и ее не устраивала посольская резиденция моего отца. Поэтому мы сняли президентский номер в «Дорчестере», где за одну неделю проживания предстояло заплатить около пяти тысяч долларов. И это еще при том, что нам сделали дипломатическую скидку. Конечно, мне не очень хотелось выбрасывать такие деньги, но ничего не поделаешь. Поселить мою жену вместе с родителями было невозможно. К тому же я точно знал, что мой

отец все равно не позволит мне оплатить счет. И поэтому, сидя в «Мерседесе» посла, спокойно смотрел, как за окном мелькал Лондон.

Не знаю почему, но мне не нравится Лондон. Он меня подавляет. Мне по душе небольшие европейские города, спокойные и ухоженные. Может, у меня такое пристрастие после огромной Москвы, которая не только по размерам и численности, но и по своей энергетике, по насыщенности духовной жизни напоминает целый континент? Огромный и малоуправляемый. Хотя я понимаю, что Москва и Лондон – два мировых центра, где делается политика.

Первый секретарь нашего посольства – Абдулмамед, мужчина среднего роста, постоянно улыбаясь, рассматривал нас с Рахимой. Одет он был в дешевый темный костюм и дешевую рубашку. Рахима презрительно морщилась, поглядывая на этого «дипломата», который наверняка попал сюда в результате многолетней «отсидки» в МИДе и для которого это назначение в Лондон – высшая точка в его дипломатической карьере.

По его внешнему виду сразу было понятно, что он экономит каждую копейку, каждый фунт, стараясь что-то отложить на черный день. Я знал, что у него двое маленьких детей и женился он довольно поздно, в тридцать четыре года. Теперь ему было около сорока. Он продолжал нам улыбаться, но меня нельзя было этим обмануть. Я понимал, как он нас ненавидит. Ненавидит моего отца, который был успешным дипломатом в бывшем Советском Союзе и остался таким же в нашей нынешней независимой республике. Ненавидит меня – молодого «барчука», который получил назначение в Швейцарию, имея такую жену, кучу денег, поддержку родственников и знакомых. Ненавидит мою жену, семья которой может стать второй семьей в нашем государстве, а это многое значит и для всех ее членов. И при этом он отлично знает, что его место внизу. Пожизненно. В лучшем случае еще лет через десять или пятнадцать он станет советником, а потом его отправят на пенсию. Послом ему никогда не быть, послами назначают совсем других людей, и не обязательно дипломатов. А другую карьеру делать уже поздно. В сорок лет ему ничего не светит. И поэтому он должен нам улыбаться, угождать. Знаю, что публиковать такие откровения у нас не принято, сказывается советский менталитет, но я полагаю, что могу рассуждать откровенно. Тем более что собираюсь рассказать о вещах гораздо более страшных и неприятных.

Тем временем наш автомобиль въехал в самый центр города, где на Парк-Лайн находится знаменитый «Дорчестер». Абдулмамед радостно сообщил нам, что номер уже заказан. Для нас приготовили вино и фрукты. Все как обычно, это входит в стандартный набор для гостей отеля.

– А моя сестра уже прилетела? – спросил я его, глядя на часы.

До центра города мы добирались почти час. И еще меня бесит это правостороннее движение. Ну почему англичане такие упрямы?! Неужели не могут ездить, как все, сделав руль слева? Откуда такое многолетнее упорство? Видимо, никто не удосужился подсчитать, сколько англичан попадает в автомобильные аварии, оказываясь в Европе или в Америке.

– Они прибудут ночью, – любезно ответил мне Абдулмамед.

– Где они будут жить? – поинтересовался я. – Тоже в «Дорчестере»?

– Нет, в «Ройял Ланкастере». Они сняли обычный двухместный номер, – сообщил он.

Рахима сделала вид, что не слышит. Она смотрела в окно. А я решил, что нужно будет обратить ее внимание на этот факт. Миллионер Тудор Григориу снимает обычный двухместный номер в хорошем отеле Лондона. А я должен из-за прихотей моей супруги оплачивать сюит в одном из лучших отелей города. И это учитывая, что у меня денег раз в сто меньше, чем у Тудора. Но на Рахиму такие разговоры не действуют. Она привыкла к тому, что деньги на кредитной карточке «Американ-экспресс». А кредит не ограничен, можешь тратить столько, сколько захочешь.

Мы уже подъезжали к отелю, когда зазвонил мой телефон. Это был отец. Он приветствовал нас в Лондоне и пригласил на ужин в резиденцию. Я пообещал, что мы придем, и убрал аппарат.

– Я не пойду, – заявила Рахима. – Мне нужно прийти в себя, отдохнуть после дороги.

– Ты очень устала? – Иногда она просто выводит меня из себя. Летела полтора часа бизнес-классом из Швейцарии в Англию. Интересно, от чего можно было устать?

– Мне нужно отдохнуть, – повторила Рахима, повышая голос. Ее кукольное лицо выражало недовольство.

Водитель и Абдулмамед испуганно выскочили из автомобиля, даже не решаясь выгрузить наш багаж. Подозвали швейцара, делая вид, что не слышат нашей перепалки.

– Дура, – сказал я негромко, – что ты устраиваешь при людях? Мы приехали сюда, чтобы встретить вместе Рождество и Новый год.

– Я не хотела ехать, – громко ответила она. Кажется, слишком громко. И по-моему, сделала это нарочно, чтобы все ее слышали, – это ты уговорил меня сюда приехать.

– Завтра Рождество, – напомнил я, – или ты забыла?

– А ты теперь у нас католик? – отозвалась Рахима. – Или твой отец католик? Посол мусульманской страны, отмечающий Рождество. – Выйдя из машины, она сильно хлопнула дверцей.

Делая вид, что ничего не происходит, я с улыбкой вылез из автомобиля. Все смотрели на Рахиму. Нельзя устраивать скандал при сотрудниках посольства. Они расскажут об этом не только всему посольству, но и всем приезжающим сюда гостям. Сначала об этом узнает мой отец, затем – мать. И наконец, родители Рахимы. Поэтому мне нужно было улыбаться и демонстрировать окружающим, что все идет нормально.

Мы вошли в просторный холл, где нас встретил предупредительный портье. Про себя я решил, что нужно просто немного подождать. Уже через час Рахима будет в другом настроении, и тогда я смогу ее убедить поехать на ужин к моим родителям.

Глава 3

И, конечно же, вечером мы вместе поехали. При ее характере сидеть одной в номере даже самой роскошной гостиницы почти невозможно. А в Лондоне все магазины по ночам закрыты, это Рахима тоже хорошо знала. В театры попасть трудно, да она их и не очень любила. А пойти без меня в ночной клуб побоялась бы. Все-таки ей было не так много лет, и она выросла в полупатриархальной семье. Правда, Рахима быстро освоилась, став завсегдатаем самых роскошных магазинов Швейцарии, но здесь не тихая маленькая страна, где все друг друга знают и все друг с другом здороваются. Лондон – это отдельный мир, не всегда понятный и гостеприимный.

Рахима надела темно-синее платье с длинными рукавами. Она заказывала его в Италии, специально ездила для этого в Милан. Платье ей очень шло. Честное слово, объективно я понимал, что внешне она производит впечатление симпатичной девочки, больше похожей на фарфоровую куколку, чем на живую женщину. На наших девочек она совсем не походила – в ней скорее просматривалась своеобразная китайская красота. Говорят, среди предков ее матери были корейцы и уйгуры. Вообще считается, что, если в человеке смешивается кровь разных народов, он бывает не только умным, но и красивым. К сожалению, первая половина этого утверждения моей супругой не подтверждалась, но зато вторая выглядела почти справедливой. Даже в холле отеля на нее тут же обернулся один англичанин. Иногда я думаю, что, если бы она не была моей женой, я бы мог в нее даже влюбиться. Красивая, стройная, с роскошными волосами, аккуратными чертами лица и невозможно сволочным характером. Нет в мире совершенства, это я теперь знаю точно.

Отец прислал за нами свою машину с нашим государственным флагом. Нам открыли дверцы автомобиля, и мы уселись в салон, словно я посол при дворе Ее Величества. А может, так и будет? Со временем мой отец уйдет в отставку или станет на родине министром иностранных дел. Ведь если отец Рахимы будет премьером, то лучшей кандидатуры на должность руководителя внешнеполитического ведомства ему не найти. Да и президент должен понимать, что ему выгодно иметь в качестве министра такого опытного дипломата, связанного близкими родственными отношениями с его личным другом, ставшим премьером.

Всю дорогу Рахима демонстрировала мне свое недовольство. А когда мы уже подъезжали к резиденции, повернула голову и спросила:

– Твой отец опять пригласил эту дрянь?

– Кого? – От изумления я не понял, о ком она говорит.

– Ну, эту бывшую манекенщицу, – зло пояснила Рахима. – Если она думает, что, выйдя замуж за Салима Мухтарова, может спокойно появляться в приличном обществе, то глубоко ошибается. Всем известно, что она была любовницей Саитмурада. Он купил ей квартиру. А потом была близка с этим олигархом – Дименштейном, с которым жила два года и который сделал ее вице-мисс России. Об этом писали все российские журналы...

– Ты бы поменьше обращала внимание на «желтую» прессу, – посоветовал я.

– При чем тут пресса? – нервно перебила меня Рахима. – У нее было такое бурное прошлое, что я удивляюсь твоему отцу. Как он может принимать в своем доме такую дешевку? Он же посол нашей страны. Если ему нужно встретиться с ее мужем, то пусть приглашает его в свой офис. Но ужинать с такой женщиной и принимать ее в резиденции посла...

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, и я понял, что он слушает наш разговор.

– Тише, – резко оборвал я Рахиму, – это не наше дело.

– Я только хочу тебя предупредить. Если ты начнешь строить этой дешевке глазки или попытаешься сделать ей комплимент, я сразу встану и уйду. Ты меня понимаешь? Достаточно того, как в ее присутствии тает твой отец. Я на месте твоей матери не пускала бы ее на порог...

– Хватит, – схватил я за руку эту полоумную, – не нужно так громко.

– Отпусти! – Она вырвала руку. – И учти, что я тебе сказала. И не сажай меня рядом с ней, мне это совсем не нужно.

Я промолчал. Иногда я думал, что нужно хотя бы один раз напомнить ей, кто хозяин в семье. Может, мне ее ударить? Два или три раза я ее уже толкал, несколько раз сильно сжимал ей руку. Но это не помогло. Иногда она доводила меня так, что мне действительно хотелось ее ударить. Но бить мать моего сына – это последнее дело. К тому же я не сомневался, что она тут же позвонит своему отцу. Нет, я не боялся, но знал, что мне придется оправдываться, объяснять, почему я ее ударил. Или, еще хуже, – ее отец мог прилететь к нам в Швейцарию. Однажды, когда мы поругались, находясь на отдыхе в Каннах, и я оставил ее одну, уехав в Ниццу, где мы жили, Рахима позвонила и пожаловалась отцу. У нее было полно денег, она спокойно могла сесть в такси и приехать в Ниццу. Но предпочла сообщить отцу, что я бросил ее в другом городе. Мой тесть перезвонил мне на мобильный телефон, и мне пришлось полчаса оправдываться за мой поступок. А потом я поехал обратно в Канны и нашел ее в ресторане, рядом с магазином, где мы поругались. Рахима как ни в чем не бывало доела свой обед. Можете себе представить? Спокойно обедала, пока я мотался из города в город. Я думал, что могу ее задушить. Но увидев меня, она вдруг улыбнулась и спросила:

– Обедать будешь?

Интересно отметить, что в тот вечер у нас был особенно бурный секс. Я вообще обратил внимание, что на мою супругу скандалы действуют возбуждающе. По-моему, она настоящая истеричка. Стоит нам помириться после очередного «выяснения отношений», как ее тянет на секс. Учитывая мой московский опыт, я научил ее кое-чему за эти несколько лет, но применять весь «арсенал» знаний, полученных в Москве, конечно, не решался. Иногда мы только меняли позы. Правда, Рахима смотрела разные порнографические журналы и порой даже расспрашивала меня о вещах, о которых ей знать совсем не обязательно. Но в таких случаях я делал вид, что не знаю, о чем она говорит. Вы можете себе представить бывшего московского студента, у которого было несколько сотен проституток и хороших приятельниц? Ни один порнографический журнал не напишет о таких вещах, о которых мог бы я рассказать. Но моей жене это знать было совсем не обязательно. Хотя я замечал, что она человек творческий и в сексе ищет некоторого разнообразия.

Мы приехали в резиденцию к половине седьмого. Отец встречал нас у дверей. Как всегда подтянутый, красивый, молодежавый, в хорошем костюме. Он следил за собой. Мать поцеловалась с Рахимой, потом поцеловала меня. Отец тоже по очереди расцеловал нас обоих, и мы вошли в дом. Там уже собралось несколько пар гостей. Среди них выделялся Салим Мухтаров. На сей раз он был в очень стильном костюме в полоску. Я знаю эти костюмы от Бриони. Они стоят по пять тысяч долларов. Но к мешковатой фигуре Мухтарова костюм совершенно не шел. Выглядел как на корове седло. Хотя, похоже, ему самому было абсолютно все равно, как на нем сидит его костюм. Этот человек торговал у нас на базаре жареными орешками. Потом был продавцом пива и воды. Вы спросите, каким образом, торгуя орешками, можно стать миллиардером? Этого я не знаю, хотя тоже догадываюсь, что таким образом нельзя накопить большую сумму.

Но в девяностые годы у нас развелось очень много богатых людей, глядя на которых лично я стал понимать, что хорошее образование и уйма прочитанных книг не дают ровным счетом ничего. Чтобы быстро стать баснословно богатым, гораздо важнее другое. Нужно обладать сильным хватательным инстинктом, быть беспощадным, безжалостным, даже по отношению к самому себе, уметь мгновенно принимать решения, терпеливо переносить возможные неудачи и абсолютно не иметь совести. Все эти качества в полной мере присутствовали у Салима Мухтарова.

Что касается его третьей жены, то она появилась в умопомрачительном наряде, кажется, от Кензо. Юбка чуть выше колен, а ноги у нее такие, словно она одолжила их у манекена.

И какая фигура! Грудь, живот, бедра – все восторг. И роскошные глаза. Я всегда невольно чувствовал волнение, когда видел ее. Моя жена, очевидно, была права, ведь она замечала, как вели себя мужчины в присутствии Лены. Можно быть красивой женщиной, как моя жена, и просто нравиться представителям сильного пола. А можно быть ослепительной женщиной, как Елена Сушко, при взгляде на которую возникает тысяча непристойных мыслей. И при этом, учитывая ее нарочитую вульгарность и вызывающие наряды, эти мысли не кажутся столь уж невозможными. Каждый раз, глядя на мешковатую фигуру Салима Мухтарова, я пытался представить их в постели и почему-то начинал нервничать. Как такая красивая женщина может быть женой такого тьюфака, даже если он набит деньгами? Неужели не могла найти никого получше? Или для нее самая прекрасная подстилка – пачки стодолларовых купюр? Впрочем, глядя на ее наряды, часы и драгоценности, было понятно, что ей безразлично, чем набит этот «тьюфак», как ясно и другое: если количество пачек окажется не столь плотным, она его просто выбросит.

За столом, кроме моих родителей, Салима Мухтарова с супругой и меня с Рахимой, были еще две пары: посол России в Великобритании с супругой и посол Казахстана с дочерью. Я понимал, что это полуделовой ужин, мой отец никогда не стал бы приглашать к себе в свою резиденцию других послов, если бы это не было ему нужно. Он вообще считал, что любую встречу необходимо использовать для дела. Мы с Рахимой сидели около посла России, и мне нравилось, как нас посадили. Во-первых, потому что я мог смотреть на Елену, которая оказалась напротив меня, а во-вторых, потому что такое соседство не раздражало мою жену. Слева от нас в торце стола сидел мой отец, напротив две пары гостей – Мухтаровы и казахский посол с дочерью. А справа, также в торце, – моя мать.

Обслуживать нас отец пригласил двух официантов. Все, как всегда, было безупречно. Сказывался большой дипломатический опыт моих родителей. Нам привезли очень выдержанные французские вина. Стол был украшен так, словно над ним поработали лучшие дизайнеры. Горели свечи, и можно было подумать, что здесь не резиденция обычного посла, а прием у одного из влиятельных герцогов Англии.

Мой отец был не просто дипломат, но и бизнесмен. Еще в советские времена он понимал, что жить на одну зарплату дипломата неправильно и даже глупо. Поэтому иногда пересылал нашему родственнику в Москве некоторые товары, бывшие тогда у нас в стране дефицитом, которые тот успешно реализовывал. Об этом знали только члены семьи. Затем в девяностом году отец вложил крупную сумму денег сразу в два кооператива, открытых в Москве и у нас на родине. Потом начал скупать недвижимость и даже приобрел какие-то акции новой компании, которая только создавалась. Отец рассказывал мне, как, появившись на презентации этой новой компании, он увидел известного певца Муслима Магомаева, который пел для гостей. Отец всегда был его большим поклонником, и это повлияло на его решение вложить часть денег в эту новую компанию. Только потом он узнал, что руководитель новой компании попросил свою сестру, знакомую Магомаева, уговорить известного певца спеть для них бесплатно, так как в тот момент компания не имела никаких дивидендов и даже не могла оплатить концерт известного мастера.

Вы уже догадались, как называется эта компания? Ну конечно, «Лукойл». Теперь один процент его акций дает такой доход, на который можно содержать не только наше посольство в Лондоне, но и еще несколько других подобных представительств. Так что отец и тогда не прогадал. В последние годы он еще активнее развивал свой бизнес и на этой почве сошелся с Мухтаровым. Они решили инвестировать крупные средства в нефтедобывающую промышленность. Акции «Лукойла» у моего отца были чуть больше четверти процента. А если бы он тогда взял два или три процента, то мог быть уже мультимиллионером.

Одним словом, мы мирно ужинали, отмечая мастерство повара, приглашенного отцом из ливанского ресторана. По-моему, у российского посла эта роскошь и еда вызывали некоторое

раздражение. По привычке он, видимо, все еще считал себя «старшим» послом среди послов из государств СНГ, аккредитованных в Великобритании. И конечно, у него не было таких возможностей и таких средств, как у многих послов из стран СНГ. Ведь российская дипломатия во многом опирается на предыдущий опыт работы дипломатической школы в период советской власти и даже дореволюционной эпохи, тогда как для большинства стран СНГ это совершенно новая область – эти независимые государства не имели своих представительств за рубежом многие столетия. Именно поэтому на должности послов государств СНГ чаще всего попадают отставные чиновники, негодные политические лидеры, ссыльные оппозиционеры, которых просто нужно убрать из страны. Среди них много состоятельных и влиятельных людей, занимающихся не столько работой, сколько своим бизнесом. Возможности тоже разные. Одно дело – работать в строгой иерархии выстроенной вертикали путинской России, и совсем другое – существовать в условиях позднего феодализма стран Средней Азии. Разницу можно почувствовать сразу.

Вы можете мне возразить, что восточный деспот ничуть не лучше российского «самодержца». Ну это как посмотреть. Дело в том, что при всех недостатках российской вертикали там существуют относительно независимые журналы, газеты, есть сформировавшееся общественное мнение, существуют понятия о либеральных свободах. И наконец, там действует государственная система контроля. В Средней Азии немного по-другому. Там только формально существуют все атрибуты демократического общества: Конституция, законы, парламенты, суды. На самом деле это все мишура, придуманная для Запада. На Востоке одна «конституция» и один «закон» – мнение главы государства. И никакой суд, никакой парламент не может быть выше этого мнения. Если «падишах» к тебе благосклонен, ты можешь позволить себе иметь свой бизнес, получать легальные доходы, работать послом и бизнесменом одновременно, не обращать внимания на проверки и ревизоров из своего аппарата и других контролирующих органов. В общем, все как обычно. Эпоха позднего феодализма в полном расцвете.

Российский посол Олег Воронин находился в Лондоне уже четвертый год. Профессиональный дипломат, он знал, что скоро покинет свой пост. В ту пору ему было под шестьдесят, и он понимал, что его дипломатическая карьера практически завершена. Может, поэтому он выглядел немного меланхоличным. Его спокойная, милая жена была похожа на него. Оба сознавали, что Англия – их последнее место пребывания за рубежом, и, казалось, внутренне с этим уже смирились. Казахский посол Саурбек Ташенов, напротив, был достаточно молодой, лет сорока пяти. Его приятная дочь Айша, девушка около двадцати лет, училась в Лондонской школе экономики. В силу своей молодости она еще восторженно смотрела на всех нас. Было заметно, что ей нравится Лондон, нравятся люди, собравшиеся за столом, нравится ее отец, приехавший работать в этот город. И вообще ей нравится жизнь. Обожаю молодых людей, которые так восторгаются жизнью. Некоторые рождаются скептиками и нытиками, как, например, моя жена. Им надоедает жить уже при рождении, а все остальное время они лишь позволяют жизни протекать мимо них.

Я часто думаю об этом. Вспоминаю арабов, которых встречал в Швейцарии и особенно в Лондоне. За много лет я не видел ни одного арабского платка ни в одном европейском музее. Арабы туда просто не ходят, им это неинтересно. Одетые в свои белые одежды, они часами сидят в лучших отелях Лондона, лениво беседуют, перекидываясь ничего не значащими фразами. А лица, лица какие! Нефтяные трубы гонят миллиарды в их карманы, и они не заметили, как потеряли интерес к жизни. Это еще их счастье, что появился такой «энергетик», как бен Ладен. При их образе жизни и при их возможностях остается только лениво лежать на диванах. Учиться, совершенствоваться, работать, добиваться чего-то в жизни они не хотят. Денег полно, книги не дадут ни одного лишнего доллара, ненужные знания вызовут лишь беспокойство. Вот так они и живут. Зато японцы, лишенные всего, крутятся, вертятся, придумывают все новые и новые технические новинки, изобретают, работают, вкалывают и становятся не

только богаче, но и умнее, сильнее. И я часто думаю, что же такое «благодать божья»? Послать человеку огромное наследство, чтобы он празднично жил и умер, ничего не сделав за отпущенные ему годы, или поставить его в трудные условия борьбы за собственное выживание, заставить творить, придумывать, создавать новое? Ведь, как известно, Диккенс, Бальзак, Моцарт, Дюма – все очень нуждались в деньгах. Я не знаю ответа на этот вопрос.

Но пора переходить к истории, потрясшей не только всю Англию, но и нашу страну, которую я взялся рассказать. Кроме нас, сидевших за столом, в доме находились двое официантов, водитель посла и на кухне двое поваров – приглашенный шеф-повар из ливанского ресторана и женщина-индуска, которая помогала моей матери по хозяйству. Скоро вы поймете, почему я так подробно описал всех присутствующих в доме.

В половине десятого вечера, когда ужин в основном был закончен и должны были подать десерт, за столом началась интересная беседа.

– Вы же понимаете, что аукцион состоится при любых условиях, – заявил Воронин. – Я связался с Москвой, и они сообщили мне, что не намерены поддаваться шантажу европейцев, которые требуют допустить их к участию в этом проекте.

– В Северогорске крупнейший комбинат, – возразил мой отец. – И европейцы имеют около двадцати пяти процентов его акций. Почему вы не позволяете им выкупить контрольный пакет?

– Это угрожает стратегическим интересам государства, – мягко пояснил Воронин. – Кстати, у вас очень хорошее вино. Откуда вы его привозите?

– Прямо из Бордо, – ответил мой отец и не позволил перевести разговор на другую тему: – Почему тогда не создаются равные условия для всех участников сделки? Неужели вы не понимаете, что в случае отсутствия на аукционе европейских и американских компаний вы потеряете доверие потенциальных инвесторов?

– Мне кажется, вы не хотите обращать внимание на ситуацию, которая сложилась вокруг этого аукциона, – улыбнулся Воронин. – Я знаю вашу личную заинтересованность в реализации этого крупного проекта, но вы должны понимать, что правила игры всегда устанавливает государство. Так принято во всех странах мира.

– Вот поэтому у вас до сих пор бардак, – вмешался в разговор нетактичный Салим Мухтаров.

Его жена недовольно покосилась на мужа.

– Я не был бы так категоричен, – отозвался Воронин. – Мы как раз пытаемся установить правила, обязательные для всех. Мне кажется, что это и в интересах вашей компании, господин Мухтаров.

– Мы сами разберемся, что в наших интересах, – хитро улыбнулся тот. – Если деньги поступили на ваш счет в качестве залога, то нужно только разрешить нам принять участие в этом аукционе. Мы все равно не возьмем контрольный пакет, но можем помочь вашему комбинату.

Если бы у этого типа не было столько денег, его, конечно же, нельзя было бы пускать за такой стол. Он не умел пользоваться вилок и ножом, держал их наоборот, кушал руками, чавкал. В общем, вел себя не как европеец. Хотя, с другой стороны, почему он должен был приспособливаться к европейскому образу жизни? Он и так стал очень богатым человеком без всяких навыков владения столовыми приборами. А на Востоке принято есть руками. Например, плов. Правда, мы были не на Востоке, а в Лондоне, и, конечно же, следовало вести себя соответственно. Только и перевоспитывать Салима Мухтарова, наверное, было уже очень поздно. «Интересно, – вдруг подумал я, взглянув на его хрупкую жену, – как они спят? Он наверняка не пользуется презервативами. Представляю, как он сопит в постели». И вдруг спохватился: «Ну почему, глядя на Лену Сушко, я все время думаю о том, как она ведет себя в постели?»

А Рахима, наверное, подсознательно чувствует мое отношение к очень красивой жене Мухтарова».

– Мы приглашаем к нам в страну любых инвесторов, – вмешался казахский посол. – Нам кажется, что это в определенной мере играет на будущее и стабилизирует общую обстановку. Чем больше западных компаний вложит деньги в нашу экономику, тем теснее их интересы будут завязаны с нашей страной.

Его дочь с интересом смотрела на Лену и на мою жену. Ей явно нравились и эти молодые женщины, такие современные, элегантные. К тому же они были ненамного старше ее. Хотя Лена ей нравилась, по-моему, меньше, а Рахима – больше. Не знаю почему, может, сказывался восточный менталитет. Должно быть, Рахима казалась ей ближе, чем Лена. Особенно здесь, в Лондоне, где много европейских и азиатских красавиц.

– У вас несколько другое положение, – мягко произнес Воронин. – Речь идет о стратегическом объекте, и мы не хотим, чтобы контрольный пакет акций достался европейским компаниям. Мы ведь не изменяем правила игры, мы лишь требуем залоговые суммы, подкрепленные гарантиями государства или крупных частных компаний. А наши инвесторы считают, что на аукцион можно выходить, имея только тугий кошелек. Для нас такие условия не совсем приемлемы, и, насколько я понял, европейцы уже осознали эти реалии.

Как только он это сказал, неожиданно погас свет. Я забыл сообщить, что резиденция моего отца находилась в аристократическом районе Лондона – в Белгравии. И там не так-то часто отключали свет, а если точнее, то и вовсе до этих пор ничего подобного не было. Если бы не горящие свечи на столе, мы вообще ничего не видели бы. Где-то на кухне разбилась тарелка, там, очевидно, не было свечей. Воронин, настоящий дипломат, сразу же нашелся:

– Ну вот видите. Я же говорю, что нельзя во всем полагаться на этих европейцев.

– Что случилось? – заволновалась моя мать.

– Сейчас посмотрю, – успокоил ее отец.

Он поднялся со стула. И я встал следом.

– Сиди, – махнул рукой отец, – я сам посмотрю.

Рахима дернула меня за руку. Я думал, что дома она наверняка вспомнит мою попытку помочь отцу и начнет попрекать за инфантильность. Как она мне надоела!

Отец взял подсвечник с горящей свечой и вышел из столовой. При свечах обстановка абсолютно романтическая. Я посмотрел на Елену Сушко и представил, что было бы, если бы свечи на остальных двух подсвечниках тоже погасли. Может, мне удалось бы тогда ее поцеловать? Но тут же себя одернул: «Какие сумасшедшие мысли лезут мне в голову!» Дочь казахского посла засмеялась, ей было весело. Воронин о чем-то негромко говорил с ее отцом. И в этот момент раздался крик моего отца.

Глава 4

Не могу сказать, чтобы когда-нибудь до этого я слышал, как он кричит. Хотя нет, один раз слышал. Однажды отец так же крикнул, когда мы с сестрой залезли на каменные перила балкона в Москве, в квартире его знакомых. Точнее, крикнул он не тогда. Сначала он спокойно попросил нас спуститься оттуда и, не мигая, смотрел, как мы с сестрой это делали. И только когда мы оказались на балконе в безопасности, громко позвал нашу мать. И этот нервный крик был единственным срывом моего отца за всю жизнь. Но вот сейчас он снова крикнул. Я бросился в его кабинет. Что бы там ни случилось, я был обязан ему помочь. Таким образом, я первым вбежал в кабинет. Или мне казалось, что я был первым. Ведь ничего не было видно. По дороге я опрокинул какой-то стул или кресло, но мне было не до этого. На улице шел дождь, но вокруг дома было достаточно светло. И если в столовой горели свечи, то здесь подсвечник, который отец взял с собой, лежал на полу, свеча в нем погасла. Следом за мной в кабинет вбежали казахский посол Ташенов и Салим Мухтаров.

Отец повернулся к нам. Даже при свете уличного освещения было заметно растерянное выражение его лица. Подняв правую руку, он показал в сторону сада и крикнул нам:

– Этот негодяй побежал туда!

Я, не раздумывая, бросился к окну. Нужно отдать должное отцу, он попытался меня удержать. Даже крикнул, чтобы я не смел прыгать вниз. Но я обернулся и при разряде молнии увидел, что левый рукав его пиджака разорван, а на руке отца – кровь. Этого было достаточно, чтобы я пришел в ярость. Кто-то осмелился ворваться в дом и ранить моего отца. Взлетев на подоконник, я бросился вниз, благо от земли было совсем не высоко – не более метра. Выпрыгнув, успел отметить, что кусты рядом с окном уже смяты. И еще увидел четко отпечатавшиеся на мокром газоне следы. Я бросился к ограде, куда они вели. Кто бы ни был этот человек, он ответит мне за то, что напал на отца!

У ограды никого не было, зато кто-то уже успел выскочить из входной двери дома и бежал мне на помощь. Присмотревшись, я узнал водителя отца.

– Вы никого не видели? – крикнул я ему.

– Никого, – отозвался он.

– Вернись домой, Ильгар! – крикнул из окна отец.

– Мы посмотрим вокруг дома, – закричал я в ответ.

Вместе с водителем я осмотрел ограду. Было заметно, что на ней тоже остались чьи-то грязные следы, да и трава вокруг была смята. Ограда оказалась не такой высокой, как вы могли бы подумать, в Англии вообще не принято сооружать высоких ограждений, кроме как вокруг Букингемского дворца. Если сбежавший негодяй был высокого роста, он мог спокойно ее перешагнуть, а коротышка – перепрыгнуть.

Дождь быстро смывал все следы. Мы повернули к дому. В дверях меня ждала мать. Конечно, я заметил отсутствие Рахимы. Похоже, мою молодую жену не очень-то волновало, куда и за кем я побежал. Меня могли убить, но ей это было безразлично. Я вернулся в дом. И как раз в это время включилось освещение. Вернее, его включил повар, нашедший с помощью зажигалки нужный рубильник. К этому моменту стало ясно, что мой отец легко ранен. Напавший на него тип нанес каким-то острым предметом удар в его левую руку.

Мать принесла нужную мазь, достала пластырь, все суетились вокруг нее и отца. Лишь моя жена стояла чуть в стороне, словно ее это не касалось. Нужно было видеть ее недовольное лицо! Воронин предложил немедленно вызвать полицию, но мой отец, морщась от боли, категорически отказался. Мы все его понимали. Скандал в резиденции посла мог выплеснуться на страницы британских таблоидов. Вечер был бесповоротно испорчен.

– Кто это мог быть? – задал вопрос Ташенов. – Как это все случилось?

– Я проходил мимо кабинета, – пояснил отец, – и, услышав там какой-то шум, очень удивился. Из обслуживающего персонала там никого не должно было быть, а мой водитель никогда не входит в кабинет. Тогда, держа в руках подсвечник, я открыл туда дверь, и вдруг чья-то тень метнулась ко мне. Свеча погасла, а я почувствовал острую боль в левой руке. Я закричал, а тень метнулась к окну, и я услышал, как кто-то выпрыгнул в сад.

– У вас ничего не пропало? – поинтересовался Воронин.

– Не знаю. Я не успел ничего увидеть. Свеча погасла, я остался в полной тьме. Потом в кабинет ворвался мой сын и тоже бросился к окну...

– Эти преступники совсем обнаглели, – произнесла с возмущением супруга российского посла. – Лезут грабить даже в таком аристократическом районе!

– В таком районе только и грабить, – невесело усмехнулся Воронин. – Здесь живут самые богатые люди, и, значит, всегда найдется чем поживиться. Вот и лезут, несмотря на охрану и камеры видеонаблюдения. Был даже случай, когда один грабитель влез в личные покои королевы Англии. Его не заметили ни охрана, ни самые современные электронные системы наблюдения.

– И чем это закончилось? – полюбопытствовала Айша. Она не слышала об этой шумевшей истории.

– Королеве пришлось беседовать с ее непрошеным гостем минут двадцать, пока его не арестовали, – пояснил Воронин.

– Как романтично! – вздохнула Айша.

– Вы никого не подозреваете? – спросил Ташенов.

– Никого, – нахмурился отец. – Неужели вы полагаете, что среди моих знакомых могут быть подобные типы?

– Нужно проверить, не пропало ли что из вашего кабинета, – предложил российский посол.

Отец согласно кивнул, поднимаясь со стула и оглядывая кабинет. Мать наконец закончила перевязку. Отец подошел к стоявшему в углу сейфу. На нем были заметны царапины, очевидно, оставленные грабителем.

– У меня хороший сейф, – улыбнулся отец, – не каждый грабитель сможет его вскрыть. А больше здесь ничего ценного нет. Может, он украл какие-нибудь документы с моего стола? Но там ничего секретного не было. Я вообще не держу официальные документы в резиденции. Только в посольстве.

– Это правильно, – поддержал его Воронин. – Может, нам лучше уехать, чтобы вы могли отдохнуть?

– Ни в коем случае, – возразил отец, принимая из рук матери другой пиджак. – Давайте отведаем десерт, чтобы не обижать нашего повара и его помощницу. Они так старались нам угодить! Находясь в Лондоне, мы должны продемонстрировать английское благоразумие и выдержанность.

Все согласились с ним и вернулись в столовую. Никто не мог и предположить, что с этого момента начнется целая цепь трагических событий, закончившихся столь страшным и непредвиденным образом. Мы уселись на своих местах, но ужин был сорван. Все прислушивались к любым шорохам, отлично понимая, что второй раз преступник вряд ли рискнет появиться в том же доме. Я внимательно посмотрел на Лену Сушко. Ее, похоже, возбудила эта необычная ситуация – появление в доме преступника, ранение моего отца, наша попытка поймать грабителя... В общем, ей все понравилось и, судя по всему, совсем не напугало. У Рахимы, как обычно, было злое выражение лица, случившееся она вообще никак не комментировала. Мухтаров недовольно побряхтывал. Как богатый человек, он не любил грабителей и воров, считая их отбросами общества. Мысль о том, что он сам тоже вор, никогда не приходила ему в голову. Любопытно, что ни один из российских олигархов или наших местных «феодалов»

никогда не признается даже самому себе, что он ничем не отличается от уличного карманника. Разница лишь в масштабах грабежа. Один лезет в карман случайному прохожему, другой – в карман государства, обворовывая миллионы своих сограждан. Впрочем, и общество поступает с ними по-разному. Первого ловят и сажают в тюрьму, не пускают в приличное общество и всячески презирают. Второго выбирают в парламент, повсюду приглашают и гордятся дружбой с ним. И при этом никому не приходит в голову, что психология и приемы обоих абсолютно однозначны.

Лена взглянула на меня и облизнула губы. Она мне очень нравилась, хотя я понимал, что любой, осмелившийся лишь посмотреть на нее вожделенным взглядом, сильно рисковал. Мухтаров был не только очень богатым нуворишем, но еще и мстительным, сильным, жестоким человеком, не привыкшим останавливаться ни перед чем. Если бы ему вдруг показалось, что между нами может произойти что-то похожее на роман, то я не позавидовал бы ни себе, ни его супруге. А если бы такой роман случился, то он, не задумываясь, нанял бы пару-тройку убийц, чтобы они разрисовали лицо его супруге, а из меня выбили бы мозги. Был такой фильм с Кевинном Костнером. Его герой закрутил роман с женой миллионера из какой-то страны Латинской Америки. В результате любовника избили до полусмерти, сломав ему руки и ноги, а его любовницу изувечили и, сделав наркоманкой, сдали в публичный дом. Представляете? Я не думал, что Мухтаров может сдать свою жену в публичный дом, уж слишком он большой собственник, но развестись с ней, а мне устроить похороны по высшему разряду такой человек вполне способен. Помню, еще я подумал, что мне будет больно и, наверное, не очень приятно. А для Елены Сушко самым страшным наказанием будет потерять такого «спонсора». То, что они не любили друг друга, всем было абсолютно ясно, в том числе и им обоим. Она терпела рядом с собой богатого мужа, а ему была нужна игрушка для развлечений. Все четко определено, и никакой романтики. Может, это и есть то, что называют идеальными отношениями?

Я посмотрел на свою супругу. А что связывает нас? Конечно, знакомясь, мы понравились друг другу, но сказать, что полюбили, было бы слишком сильно. Конечно, на момент свадьбы мы не были влюбленными, да и не успели хорошо узнать друг друга. Просто мы оба рассчитывали, что из нас получится «хорошая партия», потому и согласились на совместную жизнь. Тогда казалось, что стерпится-слюбится. Но спустя шесть лет я уже отлично осознал, что эта надежда напрасна. Ведь мы изначально лгали сами себе. На самом деле мне нужна была дочь всесильного вице-премьера, чтобы устроить карьеру и не иметь в будущем материальных проблем. А ей нужен был подходящий юноша из хорошей семьи, с хорошей родословной, чтобы выйти замуж. На Востоке девушка, не вышедшая замуж до двадцати лет, считается уже старой девой. Особенно если она из хорошей семьи. Замуж выходят в восемнадцать, девятнадцать. Родители торопятся пристроить дочь в хорошую семью, чтобы, не дай бог, она ни с кем не успела встретиться, завести другие интересы. Вот я написал про Восток и подумал, что мы ведь не совсем Восток. Мы целых двести лет облагораживались влиянием России и превратились в этакий византийский Восток – смесь культур Западной и Восточной Европы с традициями Азии. Вот что такое теперь все пять среднеазиатских государств на постсоветском пространстве.

Народы закавказских государств немного больше нас европейцы и чуть меньше азиаты, хотя и находятся в Азии. Что касается прибалтов, то те всегда входили в ареал Западной Европы, отмеченной печатью византийского влияния. Россия, Украина, Белоруссия и Молдавия тоже подверглись ему в большой степени. Оттого и менталитет в этих странах еще не западноевропейский, но уже и не азиатский. Вот так условно я поделил на четыре зоны нашу бывшую огромную страну.

В общем, понятно, что мы с Рахимой стали супругами благодаря нашим родителям и собственным интересам. В Швейцарии, предоставленные сами себе, мы вели себя не лучшим

образом, постоянно выясняя отношения, конфликтуя по любому поводу. Если бы рядом с нами были родители, возможно, наши ссоры не протекали бы так остро.

Мать все время посматривала на нас, кажется, она догадывалась о наших сложных отношениях. Примерно через час гости начали разъезжаться. Воронин с чувством пожал руку моему отцу.

– Вы настоящий дипломат, господин Султанов, – прочувственно сказал он. – Меня восхищают ваша выдержка и самообладание.

– Спасибо. – Отец принял похвалу как награду и тоже с чувством пожал руки российскому послу и его супруге.

– Если понадобится моя помощь или показания в полиции, всегда можете рассчитывать на меня, – заявил более практичный Саурбек Ташенов. – Нам с Айшой было очень приятно поужинать вместе с вами. Надеюсь, ничего опасного с вашей рукой не случится, но вы на всякий случай покажитесь врачам.

– Обязательно, – согласился отец.

Следующим к нему подошел Салим Мухтаров.

– На твоём месте я все-таки позвонил бы в полицию, – мрачно посоветовал он. Они с отцом уже несколько лет как перешли на «ты». – И поставь на окна электронную сигнализацию. Так будет надежнее. А заодно поменяй все свое окружение – водителя, поваров, домохозяек. Может, кто-то из них связан с этим вором и показал ему, как попасть в дом.

– Ты так считаешь? – У отца потемнело лицо. Он заметно нервничал. Но на прощание расцеловался с Мухтаровым и его женой.

Я немного приревновал отца к Лене, ему-то можно ее целовать, пусть только в щеки.

После того как все гости покинули дом, отец взглянул на меня и позвал в кабинет.

– Рахима, подожди меня в гостиной, – попросил я мою супругу, стараясь не замечать ее недовольного лица. В конце концов, не могу же я уехать из дома, если отец просил меня пройти к нему в кабинет. И уж тем более не мог этого сделать после случившегося.

– Пойдем, доченька, – позвала Рахиму моя мать. – Расскажешь мне, как чувствует себя наш внук.

– Что ему сделается? – отозвалась нетактичная Рахима. – Он сейчас у другой бабушки. У него все в порядке.

– Вот про это и поговорим, – кивнула моя мать.

Я мог только удивляться ее выдержке. С другой стороны, мою мать можно было понять. Ведь она уже пережила развод дочери. Конечно, мать не хотела, чтобы и моя семья разрушилась. Тогда получилось бы, что оба ребенка уважаемых Джапара и Машпуры Султановых не смогли сохранить свои семьи. Никого не волновало, что муж моей сестры был наркоманом, а моя семейная жизнь с наглой и невоспитанной молодой женой больше походила на войну враждующих соседей.

Я повернулся и пошел за отцом в его кабинет. Когда мы туда вошли, он закрыл дверь и обернулся ко мне. Нужно было видеть его сердитое лицо, чтобы понять, как он недоволен.

Глава 5

– Что с тобой происходит? – сразу же спросил отец. – В последнее время я тебя не узнаю. Зачем ты полез в окно? Я ведь тебе крикнул, чтобы ты не прыгал в сад. Там ведь мог оказаться вооруженный бандит, и в результате твой героизм мог привести к печальным последствиям.

– Я увидел твою руку, – попытался я объяснить мое состояние.

– Это не давало тебе права прыгать в окно, – резко возразил отец.

Я понимал, что он прав. Трудно представить, что могло случиться, если бы там оказались вооруженные сообщники грабителя.

– Нужно сделать скидку на мою молодость, – решил я пошутить.

– Какую молодость? – заворчал мой отец. – Тебе уже за тридцать, ты профессиональный дипломат. И плюс у тебя есть сын, за которого ты отвечаешь. В следующий раз сначала подумай, прежде чем лезть в окно.

– Хорошо. – Я увидел, что отец садится в кресло, и устроился напротив него.

– Никогда не дергайся, если тебя об этом не просят, – посоветовал мой отец. – И учти, что дипломат обязан быть особенно сдержанным в поступках. Я очень рассчитываю, что со временем ты добьешься больших успехов. Ты слышал, что наш премьер скоро уходит?

– Да. Об этом все уже говорят. Он уйдет сразу после новых парламентских выборов.

– И главный кандидат на его должность – твой тесть, – напомнил отец.

– Это я тоже знаю.

– Как у тебя отношения с Рахимой?

– Не очень. Держимся из последних сил. Уже до смерти надоели друг другу.

Отцу явно не понравились мои слова. Он взял ручку и принялся чертить непонятные геометрические фигуры. Я знал, что он всегда так делает, когда нервничает.

– Что значит «надоели»? – наконец спросил он.

– Это значит, что мы с трудом переносим друг друга. В любой момент можем сорваться и подать на развод.

– Ты отдаешь себе отчет в том, о чем говоришь?

– Абсолютно. Это тебе повезло с матерью, а мне совсем не повезло. Моя жена – настоящая истеричка, привыкшая, чтобы все потакали ее желаниям. Наверное, отец угождал каждому ее желанию, но я ей не отец и долго терпеть все эти выходки не буду.

– Ты понимаешь, что в таком случае у тебя не очень много шансов продолжить карьеру? – задал вопрос отец. – Новый премьер не захочет иметь на дипломатической службе бывшего зятя и никогда не простит тебе, что ты развелся с его любимой дочерью.

– Значит, уйду в бизнес. В конце концов, не каждому быть дипломатом.

– У тебя так много денег? – невозмутимо осведомился отец.

– Нет. Но я их заработаю. – В молодости мы все бываем наивными. Нам кажется, что весь мир лежит у наших ног.

– Тебе сняли сюит в «Дорчестере», – напомнил отец, – и ты прилетел сюда бизнес-классом. Ты знаешь, как сложно заработать даже такие деньги? Я уж не говорю про остальные. Никто не обязан содержать тебя. Если ты разведешься с Рахимой, проблемы будут не только у тебя, но и у меня.

Я хотел что-то сказать, но в этот момент услышал громкий голос моей жены. Она что-то гневно выговаривала моей матери, очевидно, считая себя вправе разговаривать таким образом со свекровью. Даже не разбирая издали ее слов, я понял, что она рассказывает о наших отношениях и, конечно, выставляет меня перед матерью в самом неприглядном виде. Эта несчастная дура не понимала даже такой простой истины, что мама всегда будет на моей стороне.

– Пусть будут, – упрямо заявил я отцу, – только и так жить я больше не могу. Сколько можно терпеть? В конце концов, люди сходятся и расходятся. Наша Гулсум тоже развелась, а теперь у нее прекрасный муж и все в порядке. Или ты считаешь, что ей нужно было терпеть своего первого мужа-наркомана?

– Я этого не говорил. – Отец тоже слышал истеричные выкрики моей жены и явно был недоволен ее поведением. – Ладно, поступай как знаешь. Я думаю, мы в любом случае не пропадем. Если ты считаешь, что нужно положить конец вашему совместному существованию, то действуй в этом направлении. Только один совет: не решай ничего сгоряча, под влиянием эмоций. Сначала все хорошо обдумай. А на завтра я снял дом за городом, чтобы мы могли собраться всей семьей и отметить Рождество. Будут только свои: вы с Рахимой, Гулсум с мужем, и еще я пригласил Салима Мухтарова с супругой. Водителя я отпущу. Там будет только кухарка, которая все приготовит и тоже уйдет. Сейчас она там вместе с мужем готовит для нас дом. Вот встретим все вместе Рождество, и, может, твоя Рахима поймет, что быть замужем гораздо лучше, чем «куковать» одной в доме своего отца.

Я подумал, что она ничего не поймет, но не стал возражать.

– В общем, завтра мы выезжаем все вместе, – сообщил отец, – сначала мы заедем за вами. Мухтаров знает, где этот дом, и сам туда приедет. Тудору я тоже объяснил, они с Гулсум подъедут к самому ужину. Они прилетают сегодня ночью, но у него еще дела в Лондоне, очень важные встречи. Между прочим, Тудор никогда не позволяет себе жить в «Дорчестере», – не удержался он от упрека в мой адрес.

Я знал, что номер оплатит отец, и поэтому промолчал. Разве можно было предложить Рахиме поехать в какой-нибудь отель попроще? Она ведь потом два года вспоминала бы, как жила в «клоповнике», даже если это был бы хороший четырехзвездочный отель. «Отец прав, – подумал я, – нельзя так дальше жить за чужой счет, рассчитывая, что наши поездки оплатит мой отец или родители Рахимы».

Отец поднялся из кресла и слегка помассировал левую руку.

– Нужно показаться врачу, – напомнил я ему. – Вдруг тебя ударили чем-то заразным?

– Мать обработала рану антисептиком, – сообщил он. – Но ты прав. На всякий случай покажу руку врачу. А завтра мы заедем за вами в отель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.